

1/10

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ВТОРОЙ.

МАЙ.

№ 13.

1909.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

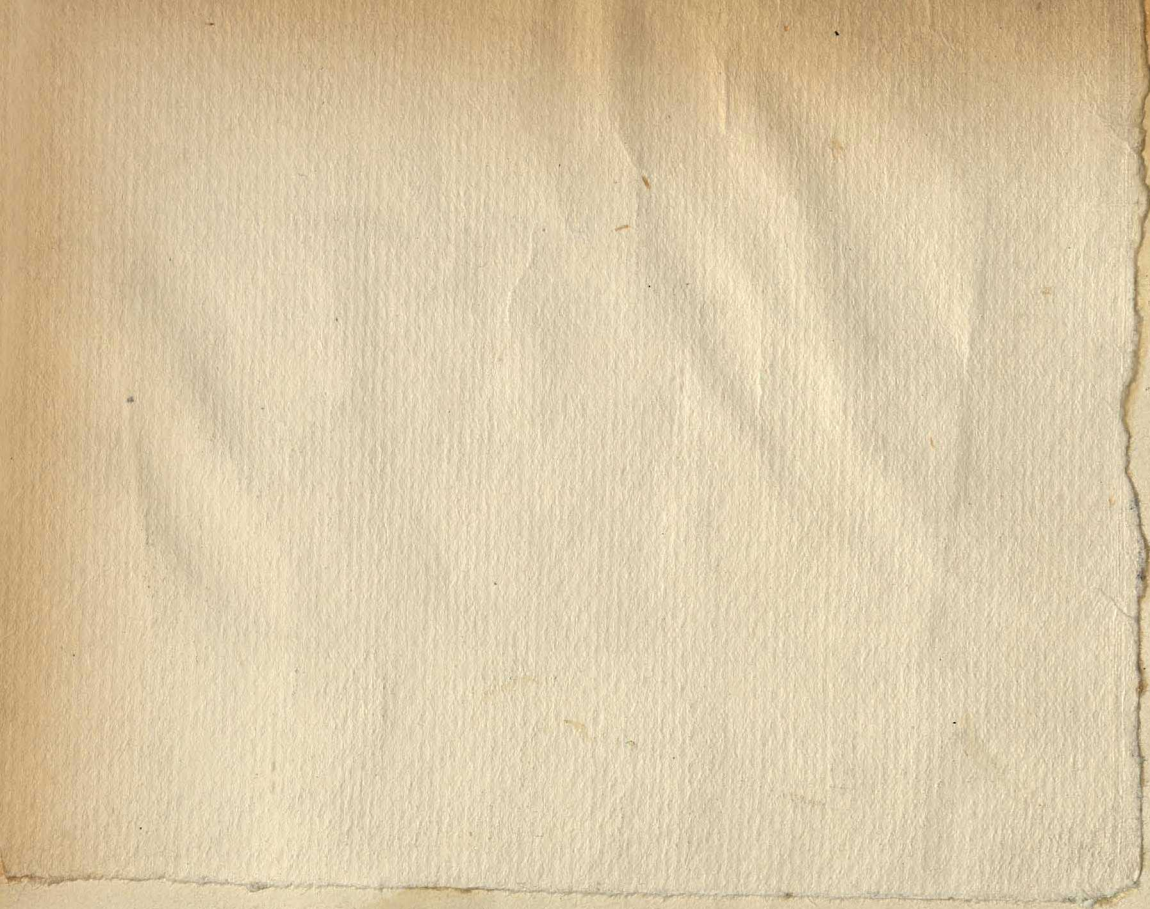


СОДЕРЖАНІЕ:

ХОРЕКЪ.
ВЕСЕННЯЯ ПѢСНЯ.
ДВА ДРУГА (повѣсть).
ГОЛУБЫЯ СОРОКИ.
УТЯТА И ПѢТУХЪ.
ВЪ ДОРОГѢ.
ГОЛОВОЛОМКИ, РЕБУСЪ
И ПРОЧ.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

«Локомотивъ» для склеиванія.



1875
1876
1877
1878



1879

1880
1881
1882
1883

1884



№ 13. Май, 1909.

Годъ изданія II-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.



Они затянули одно изъ отверстій сѣткой, а въ другое впустили хорька.

ХОРЕКЪ.

Пришла скотница Анисья въ курятникъ и не досчиталась въ немъ одной курицы. Рѣшили, что ее утащили крысы, и успокоились. На слѣдующій день изъ конюшни исчезъ одинъ изъ кроликовъ, которыхъ воспитывали Боря и Жоржъ. Рѣшили, что кролика стащили крысы. Когда же вслѣдъ затѣмъ нашли невдалекѣ и задушенную крысу, то поняли, что здѣсь уже хозяйничаютъ не крысы, а какой-то другой звѣрь, который не щадитъ и крысъ.

Поставили мышеловку, но ничего изъ этого не вышло. А тѣмъ временемъ исчезла изъ курятника и другая курица.

— Это лисица! рѣшилъ кучеръ Никаноръ.—Кому-же больше, какъ не ей?

Никаноръ зарядилъ ружье и рѣшилъ какъ-нибудь подстеречь лисицу и покончить съ ней.

Два дня спустя Жоржикъ и Боря бѣжали черезъ мостикъ и увидали на немъ двухъ змѣй съ отъѣденными головами. Тутъ-же лежали и лапки отъ уничтоженныхъ лягушекъ.

— Знаешь, что? сказалъ Боря.— Покажемъ это папѣ!

— Нѣтъ, отвѣтилъ Жоржикъ,— лучше приведемъ его сюда!

И они побѣжали въ усадьбу за отцомъ.

Папа пришелъ съ ними на мостикъ,

оглядѣлъ змѣиные трупы и лапки отъ лягушекъ и сказалъ:

— Теперь я понимаю, кто у насъ похитилъ куръ и кролика. Это—хорекъ! Только хорьки не церемонятся со змѣями, а всѣ остальные животные, кромѣ ежа, боятся ихъ.

— А, можетъ быть, это ёжъ? спросилъ Боря.

— Нѣтъ, ёжъ куръ не таскаетъ,— отвѣтилъ папа и, задумавшись, пошелъ домой.

Вечеромъ вдругъ раздались изъ дома крики:

— Боря, Жоржикъ, идите сюда скорѣй!

Мальчики узнали голосъ отца и побѣжали скорѣе въ домъ. Папа стоялъ на верхнемъ балконѣ и смотрѣлъ на рѣку въ бинокль.

— Я говорилъ вамъ, что это хорекъ, обратился онъ къ нимъ,—хорекъ и есть! Идите сюда скорѣй!

Мальчики побѣжали наверхъ и скоро были уже около отца. Онъ далъ Жоржику бинокль и указалъ ему въ сторону рѣки.

— Гляди, вонъ-вонъ у берега, указалъ онъ,—желтоватенькое, длинное животное! Видишь? Это хорекъ! Онъ ловитъ рыбу!

— Дай, я посмотрю! сказалъ Боря и взялъ отъ Жоржика бинокль.

— Вотъ онъ прыгнулъ въ воду! продолжалъ папа.— Видишь? Вотъ

онъ нырнулъ! Вотъ онъ опять выскочилъ съ рыбкой на берегъ! Да гляди, Боря, вотъ сюда, а не туда!

Хорекъ съ рыбкой бросился въ кусты и больше его уже не видали.

— Подождите, сказалъ папа, — мы ему поставимъ туда на берегъ меду на блюдечкѣ и ягоду земляники. Хорекъ большой лакомка; навѣрное онъ не откажется отъ нашего угощенія!

Папа вмѣстѣ съ мальчиками отнесъ на берегъ лакомства для звѣрка, поставилъ блюдце на то самое мѣсто, гдѣ онъ ловилъ рыбку, и ушелъ.

На утро и медъ, и ягоды оказались съѣденными.

— Ну-съ, а теперь, сказалъ папа, — надо этого хорька поймать, а то онъ у насъ перетаскаетъ всѣхъ куръ и голубей!

— Какъ-же ты его поймаешь? спросилъ Жоржикъ.

— Это дѣло мудреное... отвѣтилъ папа. — Хорекъ не живетъ определенно на какомъ-нибудь одномъ мѣстѣ, а выбираетъ себѣ для жилища то дупло дерева, то поселяется въ чьей-нибудь чужой норѣ. Самъ для себя онъ рѣдко роетъ нору. Обыкновенно онъ поселяется гдѣ-нибудь подъ мостомъ или въ корняхъ большихъ деревьевъ, или въ кустарникахъ, а чаще всего — въ стогахъ сѣна или-же по-просту устраивается гдѣ-нибудь въ сараѣ въ уголку или на сѣновалѣ подъ крышей. У насъ на заднемъ дворѣ съ осени свалены кучи хвороста... Я увѣренъ, что хорекъ

поселился именно въ нихъ! Оттуда онъ и дѣлаетъ на насъ свои набѣги.

Прошло два дня, въ которые опять не досчитались одного цыпленка и одного маленькаго кролика. Папа все время ходилъ по усадьбѣ съ своей охотничей собакой Вестой и всюду заставлялъ ее принохиваться. Веста ходила, нюхала, виляла хвостомъ, но только ничего изъ этого не выходило. Дѣтямъ надоѣло уже думать о хорькѣ и они занялись другими дѣлами. А папа настойчиво продолжалъ выслѣживать хорька и не оставалось наконецъ ни одного мѣстечка, котораго-бы онъ не обшарилъ.

— Знаешь, чтò я прочиталъ сегодня въ книжкѣ Толстого о хорькѣ? спросилъ Боря Жоржика, поднимая голову отъ кучи песка, въ которой оба они строили пещеры.

— Нѣтъ, отвѣтилъ Жоржикъ. — А что?

— «Хорекъ зашелъ къ мѣднику, продолжалъ Боря, — и сталъ лизать подпенокъ. Изъ языка пошла кровь, хорекъ радовался, — лизалъ, думалъ, что изъ желѣза кровь идетъ, и погубилъ весь языкъ».

Оба громко и звонко разсмѣялись.

— Какой глупый! воскликнулъ Жоржикъ. — Какъ-же онъ не догадался?

Въ это время со двора послышались крики и шумъ. Кричалъ папа, кричалъ Никаноръ, лаяла Веста. Вслѣдъ затѣмъ прибѣжала Анисья и, запыхавшись, позвала Жоржика и Борю.

— Пожалуйте, васъ папашенька зовутъ! сказала она и убѣжала опять.

Дѣти бросились на задній дворъ, откуда доносились крики, и у разбросанной кучи хвороста увидели папу, Никанора и всю дворню. Никаноръ отчаянно махалъ руками и что-то горячо рассказывалъ другимъ. Тутъ-же ходила Веста, виляла хвостомъ и самодовольно облизывалась. Вся куча хвороста была раскидана и на томъ мѣстѣ, гдѣ она была, въ небольшомъ углубленіи, распространяя вокругъ себя непріятный запахъ, лежали дохлыя мыши, птички и лягушки; тутъ-же лежали куриныя лапки и голова отъ кролика. Это и было логовище хорька, въ которомъ находились его запасы.

Увидавъ сыновей, папа подошелъ къ нимъ и протянулъ къ нимъ маленькаго хорька.

— Возьмите его себѣ, сказалъ онъ,—воспитайте его. Онъ будетъ у васъ ручнымъ.

Жоржикъ и Боря взяли хорька и стали его гладить.

— Какой хорошенькій! воскликнулъ Боря.—Гдѣ ты, папа, его взялъ?

— Да вотъ разрыли хворостъ, отвѣчалъ папа,—а въ немъ и оказалось хорьковое гнѣздо! Нашли одного большого хорька и четырехъ маленькихъ. Большой хорекъ убѣжалъ, а маленькихъ Веста задушила. Остался только этотъ одинъ, котораго и возьмите себѣ.

Мальчики прижали звѣрка къ

себѣ и со всѣхъ ногъ бросились бѣжать съ нимъ къ дому.

— Теперь этотъ хорь, что убѣжалъ, сказалъ Никаноръ,—перетакаетъ у насъ всѣхъ куръ. Жаль, что собака не успѣла его схватить!

— Не безпокойся, отвѣтилъ ему папа.— Гдѣ хорекъ лишится хоть разъ своихъ дѣтей, туда онъ уже никогда больше не показываетъ своего носа. Можешь быть покоенъ.

Прибѣжавъ въ домъ, дѣти налили на блюдце молока и дали его маленькому хорьку. Но онъ былъ еще такъ малъ, что не умѣлъ самъ ѣсть. Они предложили ему хлѣба, но онъ даже и не прикоснулся къ нему.

— Онъ у васъ издохнетъ, сказала буфетный мужикъ Гаврила.

Въ это время вошелъ въ комнату папа и, увидѣвъ, что хорекъ ничего не ѣстъ, взялъ его на руки и со всѣхъ сторонъ оглядѣлъ его.

— Сказать-бы, его помяла Веста, проговорилъ онъ,—да нѣтъ, она его бросила тотчасъ-же...

А потомъ онъ улыбнулся и сказалъ:

— Знаете, что? Положимъ его къ кошкѣ! У нея теперь котята, такъ пускай она кормить и его!

Всей гурьбой они отправились въ кухню, гдѣ подъ столомъ, въ ящикѣ, лежала кошка и кормила котяткокъ. Папа подложилъ къ ней хорька и тотъ сейчасъ-же принялся ее сосать. Кошка радостно замурлыкала и покорно приняла его въ число своихъ дѣтей. Это очень заинтересовало

Борю и Жоржика. Съ этихъ поръ они каждый день стали по нѣскольку разъ приходить въ кухню и смотрѣть, какъ вмѣстѣ съ котятами подрасталь и хорежъ. Это ихъ очень занимало.

Прошло нѣсколько недѣль. Кошка откормила своихъ котятъ, они выросли, съ ними вмѣстѣ выросъ и хорежъ. Онъ игралъ съ ними, ловилъ бумажку на ниточкѣ, которой дразнили его Боря и Жоржикъ, а когда ярко свѣтило солнце, то онъ забирался вмѣстѣ съ кошками на подоконникъ и, сворачиваясь тамъ клубочкомъ, вмѣстѣ съ ними дремалъ. Онъ съ удовольствіемъ ѣлъ мухъ, которыя ползали по стекламъ, и ловилъ ихъ такъ ловко, что ни одна изъ нихъ не успѣвала ускользнуть изъ-подъ его лапокъ. Бродя по комнатѣ, онъ заглядывалъ въ каждую щелочку, въ каждый уголокъ и то и дѣло прислушивался. Заслышавъ шорохъ мышей, онъ натопорщивался и весь превращался въ слухъ. Кончалось дѣло тѣмъ, что онъ вдругъ съ быстротою молніи дѣлалъ прыжокъ куда-нибудь въ сторону и возвращался оттуда уже съ мышью въ зубахъ. Каждое движеніе его было проворно, ловко и увѣренно. Желая подстеречь таракана или сверчка, онъ ползъ на животѣ по полу, одинъ разъ онъ легко взобрался по совершенно гладкой стѣнѣ до половины ея и схватилъ паука, а въ другой разъ пробѣжалъ по веревкѣ въ кухнѣ, на которой сушились тамъ полотенца. Это было хитрое, изворотливое

и въ то-же время осторожное животное. Жоржъ и Боря любили его, какъ своего воспитанника, но тѣмъ не менѣе онъ относился къ нимъ недовѣрчиво и иногда кусалъ ихъ. Одинъ разъ онъ такъ больно укусилъ за голую ногу полотера, что тотъ вскрикнулъ и выронилъ щетку. Папа хотѣлъ хорька за это наказать, но онъ брызнулъ въ него такою вонючею жидкостью, что послѣ долго провѣтривали комнату. Папа и забылъ, что въ опасныхъ случаяхъ жизни хорьки защищаются тѣмъ, что выдѣляютъ изъ себя особую жидкость чрезвычайно непріятнаго запаха, которую вырабатываютъ въ себѣ посредствомъ особыхъ желѣзъ! Обидѣвшаяся за что-то на хорька Веста погналась - было за нимъ и загнала его на второй этажъ. Видя, что ему отъ нея не уйти, хорежъ спрыгнулъ на землю со второго этажа, звонко ударился о каменный помостъ внизу, но какъ ни въ чемъ не бывало, вскочилъ и со всѣхъ ногъ убѣжалъ въ комнаты. Эта живучесть его поразила всѣхъ.

Однажды Боря и Жоржикъ шли по лѣсу и увидали въ немъ двѣ норы. Вѣроятно, это были норы лисы или барсука. Боря заглянулъ въ одну изъ нихъ, но тамъ было такъ темно, что онъ не увидѣлъ ничего. Тогда онъ пошарилъ въ ней рукой, нисколько не боясь, что его можетъ кто-нибудь укусить. Но нора оказалась настолько глубокой, что онъ не досталъ до ея дна.

— Знаешь, что? обратился онъ къ Жоржику.—Папа говорилъ, что въ Англии хорька употребляютъ для охоты, чтобы выгнать изъ норъ звѣрей. Давай принесемъ сюда нашего хорька и впустимъ его въ эти норы! Быть можетъ, онъ выгонитъ отсюда лисицу.

Мальчики обрадовались своей затѣй и со всѣхъ ногъ побѣжали домой. Розыскавъ хорька, они положили его въ корзиночку, взяли съ собой сѣтку и побѣжали въ лѣсъ. Найдя тѣ двѣ норы и думая, что онѣ сообщаются вмѣстѣ съ собой подъ землю, они затянули одно изъ отверстій сѣткой, а въ другое впустили хорька. Почувствовавъ свободу, увидѣвъ передъ собою нору, хорекъ больно укусилъ Борю за руку, вырвался отъ него и скрылся въ глубинѣ норы.

Они прождали его съ часъ, звали его, кликали его по имени, но такъ его и не дождались.

— Пропалъ нашъ хорекъ! вздохнулъ Жоржикъ.

— Навѣрное тамъ съѣлъ его какой-нибудь звѣрь, отвѣтилъ Боря.

Послѣ обѣда они въ другой разъ сходили въ лѣсъ къ норамъ, опять долго кликали къ себѣ хорька, но онъ къ нимъ не вышелъ.

Съ грустью въ сердцѣ возвратились они домой.

— Что вы повѣсили носы? спросилъ ихъ отецъ.

Они рассказали ему исторію съ хорькомъ.

— Этого и нужно было ожидать, сказалъ имъ отецъ.—Я нарочно оставилъ тогда этого хорька у васъ, чтобы, воспитывая его, вы могли прослѣдить всю его жизнь. Но я не сказалъ вамъ, что какъ-бы вы ни любили его, какъ-бы хорошо ни относились къ нему, онъ все-таки рано или поздно броситъ васъ и убѣжитъ.

— Значитъ, онъ никогда не дѣлается домашнимъ животнымъ? спросилъ Боря.

— Онъ очень легко дѣлается ручнымъ, отвѣтилъ папа,—но никогда не становится другомъ человѣка. Въ каждомъ человѣкѣ онъ видитъ врага, и все время, пока живетъ съ нимъ, ищетъ случая, какъ-бы отъ него уйти.

Боря и Жоржикъ переглянулись, вздохнули и долго потомъ не говорили ничего. Видно было, что они были обижены неблагодарностью своего воспитанника и любимца—хорька.

— Значитъ, хорекъ глупъ, прервалъ наконецъ молчаніе Жоржикъ,—если не понялъ, что мы хотѣли ему добра!

— Нѣтъ, отвѣтилъ папа,—хорекъ вовсе не глупъ, а только то, что ты считаешь для него добромъ, онъ считаетъ для себя зломъ. Разница въ томъ, что ты человѣкъ, а онъ—хорекъ, и что оба вы различно понимаете, что такое добро и зло.

Папа потрепалъ Жоржика по щекамъ и вышелъ изъ комнаты, а мальчики еще долго стояли молча и думали о неблагодарности хорька.

С. Вершининъ.

ВЕСЕННЯЯ ПѢСНЯ.

Легкій, нѣжный вѣтерокъ
Съ юга тихо вѣетъ,
Мчится съ пѣною потокъ,
Травка зеленѣетъ.

Загудѣли ужъ жуки,
Залетали мушки,
Громъ гремѣлъ и у рѣки
Ужъ кричатъ лягушки.

Благодатная весна
Къ намъ ужъ возвратилась
И отъ сумрачнаго сна
Все съ ней пробудилось.

Голубья небеса
Ласкою сіяютъ
И ужъ криками лѣса
Птички оглашаютъ.

Ярко солнышко блеститъ
Подъ небеснымъ сводомъ,
Пчелка божія летитъ
Въ поискахъ за медомъ.

А съ далекой вышины
Пѣсня раздается,
Трели звонкія слышны,
Нѣжный свистъ несется.

То пѣвецъ весны поетъ
Въ выси поднебесной
И на дачу всѣхъ зоветъ
Пѣсенкой прелестной.

Ирисъ.

ДВА ДРУГА.

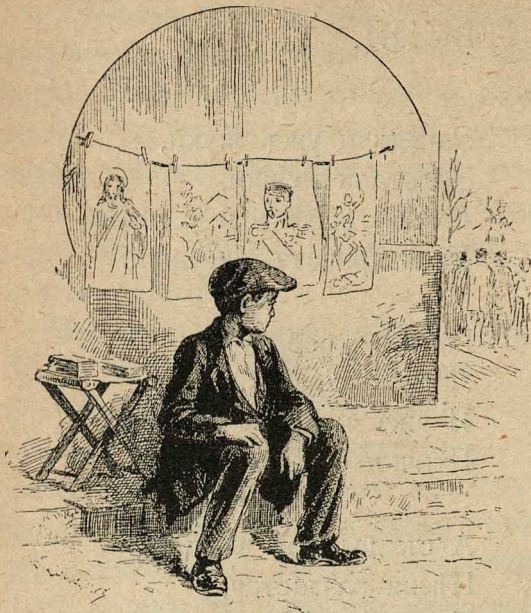
(Продолженіе).

Павликъ и Николай перешли черезъ Троицкій мостъ и долго брели по Петербургской сторонѣ, пока наконецъ трубочистъ не остановилея около низенькаго деревянаго, со всѣмъ вросшаго въ землю дома.

— Здѣсь... сказалъ онъ.

Онъ отворилъ дверь, на которой завизжалъ блокъ, и ввелъ Павлика

въ большую темную комнату, въ которой было душно и со всѣхъ сторонъ доносился храпъ спавшихъ людей. Пахло остатками ѣды и прѣлой капустой, отъ чего у Павлика разыгрался аппетитъ и пріятно защекотало въ носу. Толстая, съ грубоватымъ голосомъ, но добродушная женщина вышла къ мальчикамъ на встрѣ-



Павликъ продаетъ картинки.

чу и, поставивъ свѣчу на столъ и подпершись рукою въ бокъ, осмотрѣла Павлика со всѣхъ сторонъ.

— Это еще кто такой? спросила она.

Николай представилъ ей Павлика и разсказалъ ей его исторію.

— Онъ не здѣшній, тетенька, сказалъ онъ.—Онъ не петербургскій!

— А мнѣ-то что за дѣло? воскликнула женщина.—У меня живутъ одни только наши земляки, а онъ вѣдь чужой!

Страхъ овладѣлъ Павликомъ. Что если эта женщина его не приметъ? Что если ему опять придется возвратиться на улицу и провести подъ открытымъ небомъ цѣлую ночь? Что онъ будетъ дѣлать въ этой пустынной мѣстности на самомъ краю Петербурга?

— Я буду вамъ работать, тетенька, сказалъ онъ сквозь слезы, прижавъ картузикъ къ груди,—я буду слушаться васъ... Буду исполнять всѣ ваши приказанія.

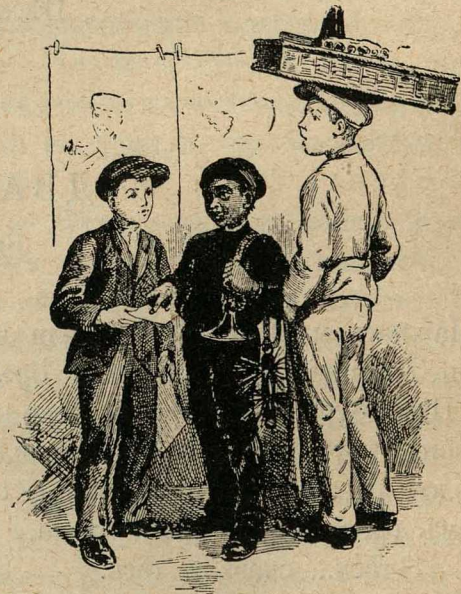
Его голосъ дрожалъ. Женщина стояла въ нерѣшительности и молчала.

— Очень нужна мнѣ твоя работа, проворчала она наконецъ,—я могу управиться и безъ тебя!

А затѣмъ она помолчала еще немного, подумала и сказала:

— Ну, ужъ дѣлать нечего, оставайся здѣсь... А ты, Николка, что такъ поздно приходишь домой?.. Вотъ я тебя! Всѣ давно ужъ отужинали... На двоихъ-то васъ у меня не хватитъ...

— Ничего, тетенька, радостно воскликнулъ Николай,—мы подѣлимся и тѣмъ, что осталось!



Павликъ, трубочистъ и мальчикъ изъ кондитерской.

Довольный уже тѣмъ, что Павликъ получилъ разрѣшеніе остаться, Николай усѣлся за столъ и принялся дѣлить пополамъ оставленный для него одного ужинъ. Онъ раздѣлилъ его съ такою точностью, что еслибы кто-нибудь рѣшился сосчитать количество крупинокъ каши, которыя онъ положилъ себѣ и своему новому пріятелю, то вѣроятно на обѣихъ тарелкахъ оказалось-бы равное количество.

Хозяйка ушла къ себѣ, но наблюдала за ними изъ своего уголка. Видя, съ какимъ аппетитомъ оба мальчика уплетали кашу съ чернымъ хлѣбомъ и густые изъ кислой капусты щи, тоже похожіе на кашу, она вздохнула, снова вышла къ нимъ и на этотъ разъ дала имъ еще по большой баранкѣ.

— Ъшьте, голубчики... сказала она.— Поточите себѣ зубки... Мой сынокъ, если-бы былъ живъ, тоже былъ-бы теперь такой, какъ вы...

Давно уже Павликъ не чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ въ эту ночь. Пріятная теплота разливалась по его членамъ, желудокъ былъ наполненъ горячей пищей, которой онъ столько времени уже не ѣлъ, а баранка, посыпанная макомъ, показала ему лучшимъ лакомствомъ.

— Покорно васъ благодарю, тетенька, сказалъ онъ, окончивъ свой ужинъ и помолвившись на образъ.

— Ладно, ладно, отвѣтила хозяйка,—идите теперь спать. Только куда тебя положить, все у насъ занято.

Ты, Николка, возьми ужъ его къ себѣ!

На нарахъ и на полатяхъ, кто подославъ подъ себя какую-нибудь старую одежду, а кто и вовсе на голыхъ доскахъ, спали люди, громко сопѣли и храпѣли на разные голоса. Лежа рядомъ съ Николаемъ, не имѣя возможности протянуть отъ тѣсноты



Женщина стояла въ нерѣшительности и молчала.

ноги, Павликъ во всю ночь не могъ заснуть, не шевелился и все думалъ, что-то будетъ съ нимъ завтра?

Пробило два часа ночи, а онъ все еще не спалъ и, несмотря на окружающую его темноту, лежалъ съ открытыми глазами и глядѣлъ въ пространство. Одинъ разъ онъ такъ глубоко вздохнулъ, что разбудилъ Николая.

— Ты не спишь? спросилъ его трубочистъ.

— Нѣтъ... отвѣтилъ Павликъ.—Я все думаю... Боюсь, что завтра я уже не буду съ тобой.

— Почему?

— Ты здѣсь свой, а меня могутъ прогнать... Я здѣсь не землякъ, какъ ты, и не трубочистъ...

Николай зѣвнулъ.

— Успокойся, сказалъ онъ.—Давай лучше спать!

А затѣмъ онъ подумалъ немного и сказалъ:

— Хозяйка добрая женщина, она не прогонитъ тебя и своему мужу не позволить.

— Но вѣдь вы здѣсь всѣ земляки!

— Что-жъ изъ этого? Ты будешь платить имъ, а они люди бѣдные.

— Я постараюсь получше торговать и все, что наторгую, буду имъ отдавать. Слушай, Коля, ты знаешь здѣсь всѣ мѣста лучше, чѣмъ я. Если бы ты ходилъ вмѣстѣ со мною, то у меня пошла-бы торговля гораздо лучше. Вдвоемъ лучше, чѣмъ одному.

— Это вѣрно!

— Давай пойдѣмъ вмѣстѣ! Все, что мы наторгуемъ съ тобой вдвоемъ, мы будемъ каждый вечеръ приносить твоей хозяйкѣ.

Одинъ изъ сосѣдей повернулся къ нимъ, что-то заворчалъ во снѣ и глубоко вздохнулъ.

— Тише!.. прошепталъ Николай.— Перестанемъ разговаривать, а то разбудимъ большихъ. Ругаться будутъ... Спи!

— Хорошо... также шопотомъ отвѣтилъ Павликъ.

Павликъ былъ увѣренъ, что онъ не заснетъ уже до утра и нехотя закрылъ глаза. Но когда онъ ихъ открылъ, то было уже свѣтло, мужики уже проснулись, вставали, молились Богу. Оказалось, что онъ крѣпко спалъ. Хозяйка внесла чайники съ кипяткомъ, мужики отпили чай и отправились на работу.

Павликъ съ Николаемъ тоже встали, умылись въ сѣняхъ прямо изъ ведра, причемъ сливали другъ другу, помолились Богу и стали приготовляться въ путь.

— Идите-ка и вы попить чайку! обратилась къ нимъ хозяйка.

Она дала каждому изъ нихъ по огрызочку сахара, по большому ломтю черного хлѣба и налила имъ по кружкѣ чаю.

Онѣ выпили чай, поѣли хлѣба, забрали свои книжки и картинки и отправились вдвоемъ ихъ продавать.

Николай зналъ отлично Петербургъ. Уже два года какъ онъ чистилъ трубы по всему городу и искодилъ его въ поискахъ за работой вдоль и поперекъ. Бывалъ онъ и въ окрестностяхъ столицы, такъ какъ когда наступало лѣто, онъ отправлялся въ дачныя мѣста и чистилъ трубы и тамъ. Поэтому онъ рѣшилъ, что для успѣха дѣла лучше всего продавать не копѣчныя книжки и не картины, а открытыя письма съ рисунками и вечернія газеты и хо-

дить не по закоулкамъ, а по люднымъ улицамъ.

— Люди людьми живутъ, сказалъ онъ Павлику.—Надо продавать то, на что есть спросъ, и тамъ, гдѣ больше всего ходятъ люди.

И онъ не ошибся.

Вмѣсто того, чтобы прятаться по глухимъ улицамъ и переулкамъ, какъ это дѣлалъ Павликъ, они оба, теперь умытые и чистенькіе, насколько это позволяла ихъ поношенная одежда, явились со своимъ товаромъ на людныхъ мѣстахъ и расчеты Николая оправдались: не успѣли еще они дойти отъ Знаменской площади до Адмиралтейства, какъ четверть ихъ товара была уже распродана. А къ вечеру было продано уже все.

— Чѣмъ хранить тебѣ деньги въ карманѣ, обратился къ Павлику Николай,—откуда ты всегда ихъ можешь потерять, ты купи новаго товара еще лучше, чѣмъ этотъ, и побольше газетъ, и давай завтра пробѣжимся по Васильевскому острову или по Садовой. Навѣрное мы выручимъ денегъ на билетъ, чтобы уѣхать домой. Хорошо?

Павликъ сіялъ отъ радости. Какъ это раньше онъ не догадался продавать открытыя письма и вечернія газеты и ходить по люднымъ улицамъ и заглядывать въ вагоны трамвая?

Возвратясь вечеромъ къ себѣ домой, они большую часть своей прибыли отдали своей хозяйкѣ. Это тронуло ее и не столько тронули ее

самыя деньги, сколько личная порядочность мальчиковъ, не пожелавшихъ оставаться передъ нею въ долгу и съумѣвшихъ оцѣнить ея доброе къ нимъ отношеніе.

— Поступай въ трубочисты, сказала она Павлику,—и оставайся у насъ. Что-жъ, что ты не нашъ землякъ?

Павликъ опустилъ голову. Не смотря на то, что онъ все больше и больше привязывался къ Николаю, онъ никогда не согласился-бы быть трубочистомъ, лазать по крышамъ и заглядывать въ трубы. Дома казались ему слишкомъ высокими, а онъ боялся высоты. Поэтому онъ ничего не отвѣтилъ и тогда, когда мужъ хозяйки повторилъ ему то-же самое предложеніе, когда они отужинали и стали ложиться спать.

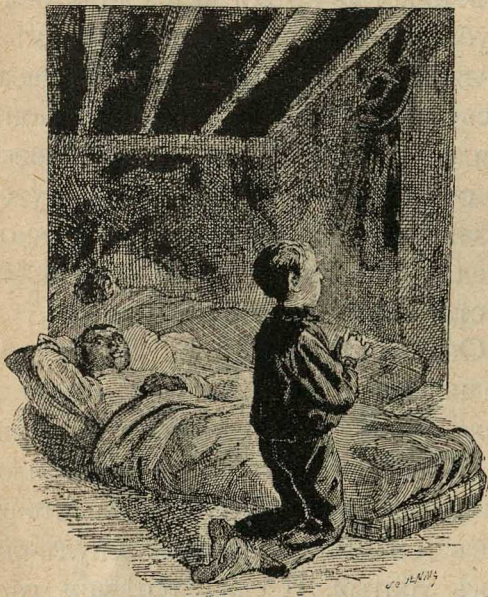
Оба мальчика устали. Они были на ногахъ цѣлый день, подошвы у нихъ болѣли и въ колѣнкахъ ломило. Павликъ чувствовалъ, что стоило-бы только ему добраться до постели, какъ онъ тотчасъ-же заснулъ-бы, какъ убитый. И едва успѣвши раздѣться, онъ повалился на постель и сталъ засыпать.

Какой-то шопотъ послышался ему въ полуснѣ. Онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и открылъ глаза. Николай стоялъ на колѣняхъ прямо на полу и молился Богу. Павликъ вспомнилъ, что онъ не молился на ночь вчера и не помолился и сегодня, и ему сдѣлалось стыдно. Онъ поднялся со своего матраца и тоже сталъ горячо

молиться. И чѣмъ дольше и горячѣе онъ молился, тѣмъ будущее казалось для него яснѣе и тѣмъ жизнь казалась ему прекраснѣй впереди.

— Такъ вотъ почему я такъ долго не могъ заснуть вчера!.. подумалъ Павликъ, ложась снова на матрацъ и укрываясь съ головой.—Я позабылъ помолиться Богу!

И закрывъ снова глаза, онъ подложилъ подъ щеку ладонь и тотчасъ-же заснулъ, какъ убитый.



Чѣмъ дольше и горячѣе онъ молился, тѣмъ будущее казалось для него яснѣе.

Приобрѣтая все новыя и новыя открытки съ картинками и закупая все больше и больше газетъ, наши торговцы бѣгали уже по всѣмъ люднымъ улицамъ Петербурга и торговали уже такъ, что у нихъ кое-что оставалось и на черный день. Николай купилъ себѣ новый костюмъ, окончательно отмылся отъ сажи и

теперь уже совсѣмъ не былъ похожъ на того чумазаго трубочиста, съ какимъ встрѣтилъ его впервые Павликъ. Пропитанныя насквозь дымомъ и сажей его куртка и штаны были подарены имъ другому маленькому трубочисту, который ихъ съ благодарностью и надѣлъ. Для того, чтобы отмыться, Николай купилъ какого-то особаго мыла, послѣ котораго у него жгло все его лицо. Увидѣвъ такую перемѣну въ Николаѣ, сразу сдѣлавшемся чистенькимъ и краснощекимъ, Павликъ сначала остолбенѣлъ, а затѣмъ сталъ радоваться отъ всей души. И все время, пока они шли вмѣстѣ по улицѣ и выкрикивали названія газетъ, онъ не переставалъ украдкой поглядывать на своего измѣнившагося друга, у котораго черные глаза его стали еще чернѣе отъ того, что побѣлѣло его лицо.

Жаль было только, что Николай хромалъ и, пожалуй, долженъ былъ остаться хромымъ навсегда. Но самъ Николай относился къ этому шутя и старался увѣрить Павлика, что если-бы не эта его хромота, то онъ никогда не остался-бы безъ работы и поэтому не встрѣтился-бы тогда съ Павликомъ. А теперь онъ богатъ и ему больше уже не нужно ходить по крышамъ и заглядывать въ глубокія дымящіяся трубы высочайшихъ домовъ, отъ одного чада изъ которыхъ у него такъ часто кружилась голова.

— А все-таки лучше, когда не хромаешь... говорилъ Павликъ.



Онъ теперь рѣшительно подходилъ къ прохожимъ и предлагалъ имъ свои открытки.

Николай вздыхалъ и ничего не отвѣчалъ.

Иногда нога у Николая начинала такъ болѣть, что онъ не могъ ходить по Петербургу и долженъ былъ стоять. А такъ какъ стоять можно было только на углу, на что онъ не имѣлъ права, потому что не принадлежалъ къ артели газетчиковъ, то приходилось поневолѣ торговать въ разность, т. е. все ходить и ходить, чего не позволяла ему дѣлать нога. Въ такіе дни онъ не торговалъ вовсе и грустно сидѣлъ гдѣ-нибудь на лавочкѣ и дожидался своего друга.

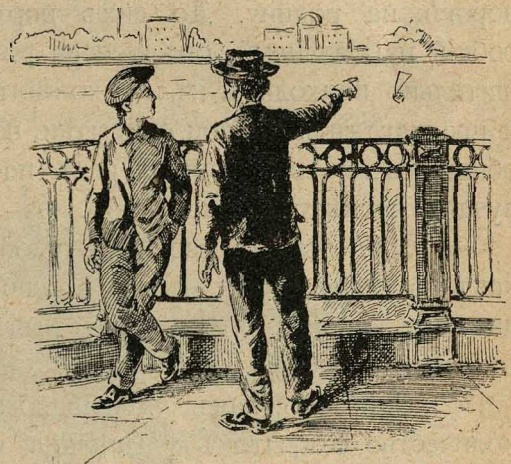
Какъ-то начались дожди и шли они не переставая цѣлые десять дней. Все это время мальчики оставались

на улицѣ, промокали насквозь и ничего не продавали. Открытыя письма ихъ совершенно раскисли отъ мокроты, а изъ газетъ получались одни только мокрые лохмотья, которыхъ не покупалъ никто.

Въ эти полторы недѣли мальчики потерпѣли большой убытокъ и прожили все, что заработали до сихъ поръ. Къ тому-же у Николая болѣла нога и торговалъ только одинъ Павликъ.

И когда они вернулись какъ-то вечеромъ домой, то ихъ встрѣтила хозяйка уже не такъ ласково, какъ встрѣчала ихъ прежде.

— У насъ упали заработки, обратился къ Павлику хозяинъ, — намъ самимъ нечего ѣсть. Или ты поступи къ намъ въ трубочисты и работай вмѣстѣ съ нами, или-же уходи отъ насъ совсѣмъ. Намъ нечѣмъ тебя кормить. Довольно съ насъ и того, что насъ объѣдаетъ хромой Николка!..



Остановиваясь у Невы, они вспоминали свою родную Оку.

Но онъ все-таки нашъ землякъ, а ты для насъ совсѣмъ чужой.

Павликъ понялъ, что теперь ему оставалось что-нибудь одно: или надѣвать на себя грязную одежду трубочиста и лазать по крышамъ пятиэтажныхъ домовъ, или-же навсегда разстаться съ Николаемъ. При одной только мысли о послѣднемъ сердце его разрывалось на части. Онъ плакалъ втихомолку и наконецъ обо всемъ сообщилъ Николаю. На этотъ разъ и Николай упалъ духомъ и приунылъ.

Мальчики не знали, что имъ дѣлать.

На другой день и на слѣдующіе хозяинъ ничего уже больше не сказалъ Павлику, а повидимому ожидалъ отъ него рѣшенія. Тѣмъ временемъ прекратились дожди и Павликъ ревностнѣе, чѣмъ когда-либо занялся своей торговлей, чтобы поскорѣе заработать денегъ, необходимыхъ ему на проѣздъ по желѣзной дорогѣ на родину. До сихъ поръ робкій и боязливый, онъ теперь рѣшительно подходилъ къ прохожимъ и предлагалъ имъ свои открытки, не обижаясь на то, что иной разъ получалъ насмѣшки или отказъ.

— Уйди ты со своей ерундой! какъ-то сказалъ ему одинъ господинъ въ цилиндрѣ, который былъ отъ чего-то не въ духѣ.

По мѣрѣ того, какъ уменьшалось количество открытокъ у Павлика и увеличивалось въ его карманѣ количество денегъ, вмѣсто того, чтобы

радоваться предстоящему отъѣзду на родину, онъ все болѣе и болѣе вздыхалъ и горевалъ о томъ, что ему придется разстаться съ Николаемъ и уже больше не видѣться съ нимъ никогда. Мысль объ этомъ приводила его въ отчаяніе. Онъ не зналъ, какъ поступить. Ему хотѣлось возвратиться къ себѣ на родину, къ бабушкѣ и къ сестрамъ, по которымъ онъ такъ соскучился и которыхъ такъ часто видѣлъ во снѣ, и въ то-же время имъ овладѣвала рѣшимость пойти къ хозяину и объявить ему, что онъ согласенъ поступить въ трубочисты.

Не смотря на все, онъ никому не говорилъ о томъ, что его такъ волновало, и продолжалъ свою обычную дѣятельность и жизнь, слишкомъ занятый своими заботами, чтобы замѣтить, какъ не по днямъ, а по часамъ угасалъ Николай.

Маленькій трубочистъ зналъ, что ему предстоитъ разлука съ другомъ, и это заставляло его страдать.

Теперь ужъ они старались не разставаться и всюду ходили вмѣстѣ, по площадямъ, улицамъ и переулкамъ и вообще по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ было многолюдно и гдѣ была большая вѣроятность продать публикѣ свой товаръ.

Павликъ предлагалъ всѣмъ свои открытки, а Николай выкрикивалъ заглавія газетъ:

— Вечернія извѣстія! Интересныя событія въ Китаѣ! Всего двѣ копейки номеръ!

Прошелъ апрѣль, прошелъ май и наступили теплые юньскіе дни. Многіе жители разѣхались по дачамъ и Петербургъ какъ-то сразу опустѣлъ. По улицамъ ужъ не было того движенія, какое бываетъ зимою и весной, и торговля у нашихъ мальчиковъ сильно сократилась. Чтобы заработать тѣ-же деньги, которыя они зарабатывали до сихъ поръ, они должны были обходить чуть не весь Петербургъ изъ конца въ конецъ.

Затѣмъ опять наступили дожди. Мальчикамъ приходилось укрываться отъ нихъ подъ воротами домовъ, выслушивать ворчаніе дворниковъ и затѣмъ снова пускаться въ путь. Пробѣгая черезъ скверы и сады, они останавливались на минуту, чтобы взглянуть на зелень и цвѣты и это напоминало имъ ихъ далекую родину. Останавливаясь у Невы, они вспоминали свою родную Оку и Тульскую губернію.

— У насъ въ Тульской губерніи, говорилъ Павликъ,—теперь все въ полномъ цвѣту... Поютъ жаворонки

въ поляхъ, кричатъ перепела во ржи и такъ сладко-сладко пахнетъ свѣже-скошеннымъ сѣномъ. А здѣсь... Ты только подумай, Коля! Здѣсь рѣдко бываетъ жарко, то и дѣло идутъ дожди и не успѣетъ наступить лѣто, какъ ужъ ему и конецъ...

И онъ начиналъ рассказывать ему о томъ, какъ хорошо у нихъ бываетъ лѣтомъ, какъ онъ ходилъ когда-то съ сестрами по грибы, какъ онъ любитъ лѣсъ и луга и какъ теперь по нимъ скучаетъ.

Николай слушалъ его, широко раскрывъ глаза и стараясь не проронить ни одного слова изъ его воспоминаній, и ему казалось, что это говоритъ не Павликъ, а кто-то другой, любящій свою родину, какъ родную мать, и умѣющій рассказать это на словахъ.

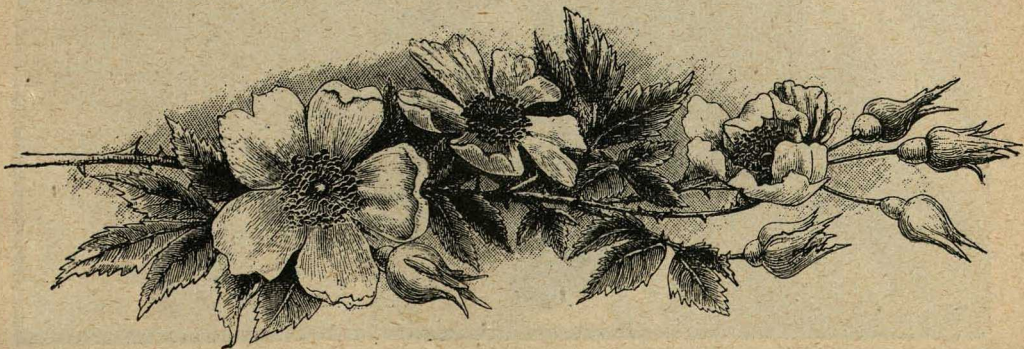
«А я вотъ и люблю свою деревню, думалъ онъ,—а не умѣю выразить этого такъ, какъ онъ».

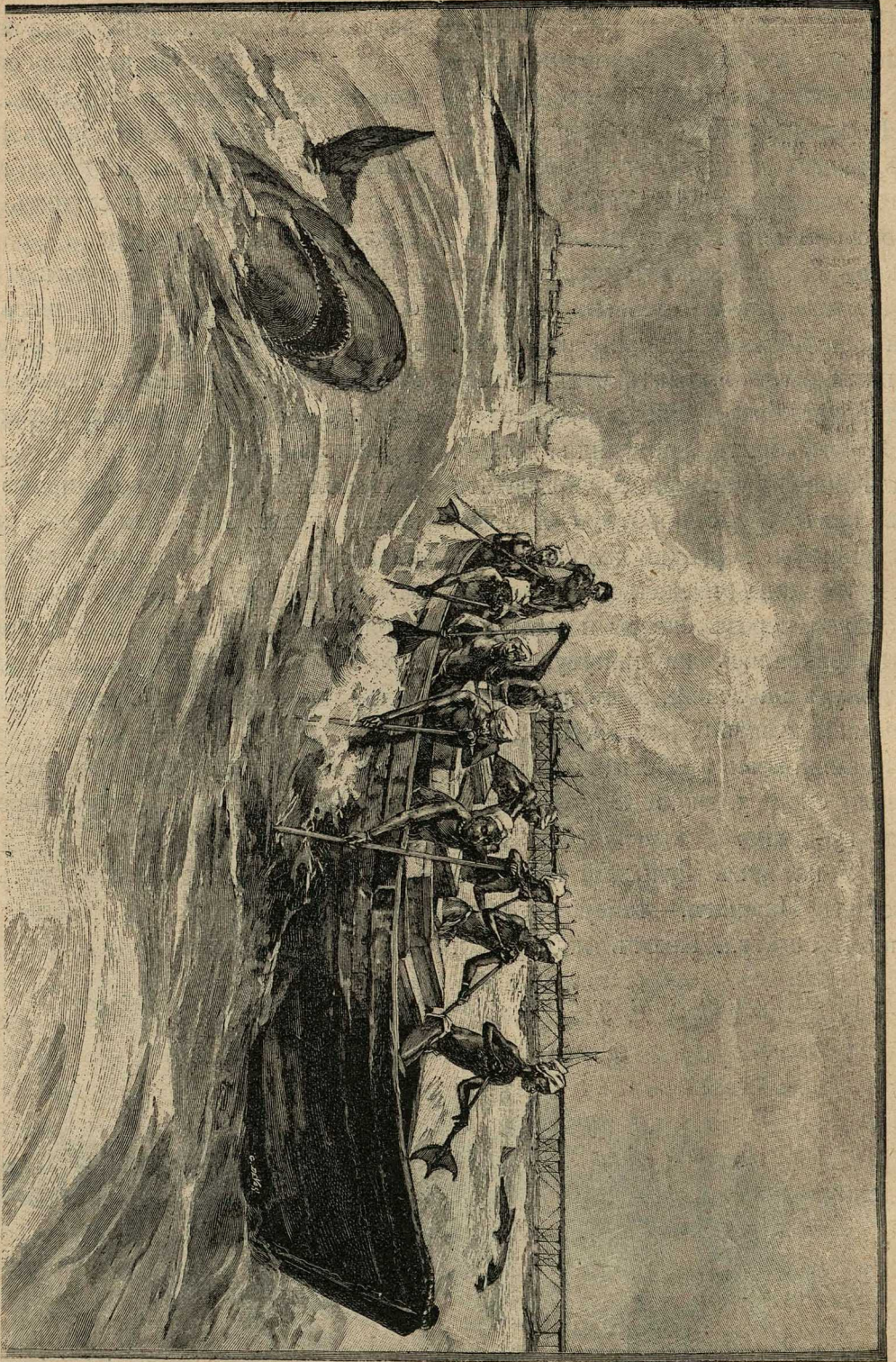
И они твердо рѣшили уѣхать изъ Петербурга.

Св. Ел.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Исполнится-ли желаніе мальчиковъ уѣхать изъ Петербурга?





Натадени акулы.



ГОЛУБЫЯ СОРОКИ.

Сказка.

Животныя разговариваютъ между собою; въ этомъ никто не сомнѣвается, но я увѣренъ въ томъ, что мало есть людей, понимающихъ ихъ языкъ. Я знавалъ только одного человѣка, который обладалъ этимъ даромъ. Это былъ простой рудокопъ; онъ довольно долго прожилъ въ Калифорніи среди пустынныхъ лѣсовъ и горъ, изучая нравы своихъ единственныхъ сосѣдей—звѣрей и птицъ. Онъ отлично понималъ ихъ мимику и поведеніе. Звали его Джимъ Бэкеръ. По его наблюденіямъ, у однихъ животныхъ рѣчь очень кратка и проста; они не употребляютъ цвѣтистыхъ выраженій; другія же, наоборотъ, обладаютъ богатымъ запасомъ словъ и изысканною рѣчью. Вслѣдствіе этого они очень тщеславны, любятъ слушать звуки собственнаго голоса и приходятъ въ восхищеніе, если имъ удастся привлечь слушателей. На основаніи долгихъ наблюденій Бэкеръ пришелъ къ тому заключенію, что голубыя сороки среди животныхъ и птицъ являются самыми милыми говорунами. Вотъ что онъ сообщаетъ.

«Голубая сорока одарена богаче многихъ другихъ животныхъ и очень развита; органы чувствъ у нея тонки и она умѣетъ выражать ихъ изящнымъ и цвѣтистымъ языкомъ, не лишеннымъ даже нѣкоторой музы-

кальности. Она никогда не ощущаетъ недостатка въ словахъ: они сами собой зарождаются въ ея мозгу и тотчасъ же переходятъ на кончикъ языка. Еще одна подробность: мнѣ приходилось наблюдать много животныхъ, но я никогда не слышалъ, чтобы какая нибудь птица, корова или иное какое нибудь животное объяснялись на такомъ безукоризненномъ языкѣ, какъ голубая сорока. Вы можете сказать мнѣ, что кошка превосходитъ ее въ этомъ отношеніи; но я не могу согласиться съ этимъ. Возьмите кошку въ тотъ моментъ, когда она злится или вступаетъ на крышѣ въ драку съ другой кошкой—и вы сами убѣдитесь въ томъ, что ея рѣчь можетъ довести до отчаянія.

Люди не свѣдущіе воображаютъ, что кошки во время своихъ ссоръ выводятъ насъ изъ себя только своей вознею и бѣготнею. Но это было бы заблужденіемъ: насъ возмущаетъ не что иное, какъ невыносимый кошачій языкъ. Съ другой стороны, я никогда не слышалъ, чтобы голубая сорока произнесла хоть одно непріятное для слуха слово. Если же съ нею нечаянно и случится подобный грѣхъ, то она, какъ и человѣкъ, тотчасъ же почувствуетъ стыдъ, немедленно закрываетъ клювъ, улетаетъ и уже болѣе не возвращается.

Мы называемъ сороку птицей; это правда: она оперена, но, на мой взглядъ, у нея нельзя отнять и нѣкоторыхъ свойствъ, приближающихъ ее къ человѣку. И я это докажу. Особенности характера сороки — въ высокой степени разнообразны и разносторонни. У нея столько же нравственныхъ началъ, сколько и у любого человѣка; такъ, на примѣръ, она никогда не измѣняетъ разъ данному слову. Еще особенность: сорока умѣетъ клясться и божиться не хуже мелкаго торговца. Вы скажете, что и кошка продѣлываетъ то же самое и не уступитъ иному пожарному. Пусть такъ. Но дайте сорокѣ случай наболтать лишнее и вы увидите, что она въ болтовнѣ далеко оставитъ кошку позади. Не спорьте со мною: я слишкомъ хорошо знаю сорочьи нравы. Вотъ вамъ еще: голубая сорока умѣетъ такъ браниться, что заткнетъ за поясъ даже человѣка. И бранится она просто, безъ вычуръ, хладнокровно, съ вѣсомъ и съ соблюденіемъ должной мѣры. Еъ этомъ отношеніи она стоитъ человѣка. Она умѣетъ плакать и смѣяться, соглашаться и спорить. Я не разъ слышалъ, какъ она разсуждаетъ и возражаетъ. Она любитъ заводить исторіи, скандалы и недоразумѣнія — и все это она продѣлываетъ съ умомъ и безошибочно отличаетъ умнаго отъ глупца. А теперь я разскажу вамъ правдивую повѣсть изъ жизни сороки.

Когда я научился понимать сорочій языкъ, то наткнулся на такой случай: Послѣдній человѣкъ, жившій вмѣстѣ

со мною въ той мѣстности, покинулъ меня и ушелъ семь лѣтъ тому назадъ въ городъ. Послѣ него остался опустѣвшій домъ, представлявшій собою сколоченную изъ досокъ хижину въ одну комнату. Вотъ и все. На хижинѣ была соломенная крыша, но потолка не было. Въ одно прекрасное воскресное утро я сидѣлъ, вмѣстѣ съ кошкой, на порогѣ моей хижины, любовался синимъ небомъ, прислушивался къ шелесту листьевъ и мечталъ о своей родинѣ, съ которой не получалъ вѣстей уже тринадцать лѣтъ. Прилетѣла синяя сорока и сѣла на пустой домъ. Въ клювѣ она держала желудъ и тогчасъ же заговорила:

— Погоди, я что нибудь выдумаю для развлечения!..

Клювъ раскрылся и желудъ покотился по землѣ. Сорока, повидимому, не была нисколько этимъ удивлена и попрежнему была занята своей мыслью. Тутъ она замѣтила въ крышѣ дыру и сейчасъ же, закрывъ одинъ глазъ, принялась вертѣть голову въ обѣ стороны и заглядывать въ отверстіе. Я видѣлъ, какъ она послѣ этого подняла голову и какъ заблестѣли ея глаза. Два или три раза она взмахнула крыльями и съ чувствомъ полнаго удовлетворенія закричала:

— Это дыра, или же я ничего въ этомъ дѣлѣ не понимаю. Это — настоящая, самая обыкновенная дыра.

Заглянувъ въ отверстіе, она забила крыльями и хвостомъ и съ блестящими глазами вскрикнула:

— Я не ошиблась. Это — дыра и притомъ превосходная дыра.

Опять взмахнувъ крыльями, она полетѣла, поднявъ съ земли жолудь и опустила его въ отверстіе. На лицѣ ея была написана живѣйшая радость и клювъ изображалъ улыбку. Но вдругъ все это замѣнилось глубочайшимъ недоумѣніемъ.

— А я не слышала, какъ жолудь упалъ,—проговорила она.

Тутъ она снова заглянула въ дыру и задумалась. Съ глубокой мыслью на лицѣ обошла она ее кругомъ, тщательно изслѣдовала, но не нашла ничего. Дѣло стало похожимъ на загадку. Сорока усѣлась на гребнѣ крыши и начала размышлять, въ то же время почесывая себѣ голову лапкою.

— Я предвижу тутъ большую работу,—пробормотала она.—Дыра, должно быть, огромная, а у меня нѣтъ времени заниматься ею.

Послѣ этого она взмахнула крыльями, отыскала новый желудь, бросила и его въ дыру и стала прислушиваться. Но результатъ получился тотъ же. Жолудь исчезъ.

— Тутъ, видно, вмѣшался самъ нечистый,—проговорила она.—Я ровно ничего не понимаю. Но это не должно меня обезкуражить.

Отыскавъ новый жолудь, она повторила опытъ, но успѣхъ былъ тотъ же.

— Странно,—каркнула она.—Я еще никогда не встрѣчала подобной дыры. Это вѣроятно какая нибудь особенная дыра.

Теперь сорока была задѣта за живое и, видимо, стала нервничать. Будучи увѣренной, что она напала на заколдованное отверстіе, она опустила голову въ раздумьи. Но надежда еще не была потеряна. Обойдя и осмотрѣвъ внимательно дыру еще разъ, она обратилась къ ней съ такою рѣчью:

— Ты—какая-то необыкновенная дыра—длинная и глубокая и при томъ очень странная. Но я все-таки наполнию тебя, хотя бы мнѣ пришлось для этого летать сюда нѣсколько лѣтъ.

И она принялась за дѣло. Могу васъ завѣрить, что я не видѣлъ тогда другой, болѣе дѣятельной птицы. Цѣлыхъ два съ половиною часа она безъ устали собирала жолуди и опускала ихъ въ отверстіе, даже не заглядывая въ него. Но усталость наконецъ взяла свое и скоро ея крылья отяжелѣли. Опустивъ послѣдній жолудь, она произнесла со вздохомъ.

— Не везетъ! Но пусть лучше меня подстрѣлятъ, а я этого дѣла такъ не оставлю.

Вы мнѣ не повѣрите, если я вамъ скажу, что сорока поблѣднѣла отъ гнѣва. Но это дѣйствительно было такъ.

— Чудеса!—проговорила она съ горечью.—Я набросала туда столько жолудей, что мнѣ хватило бы ихъ на тридцать лѣтъ на прокормленіе семьи, а слѣдовъ я не вижу никакихъ. Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Если

я въ этомъ хоть чтонибудь пони-
маю, то пусть меня выпотрошатъ,
набьютъ соломою, сдѣлаютъ изъ
меня чучело и помѣстятъ въ музей.

У сороки едва хватило силъ взле-
тѣть на гребень крыши и усѣсться
на немъ—до того она была утомлена
и разочарована.

Прилетѣла вторая сорока. Завя-
зался разговоръ. Первая сейчасъ же
разказала о своемъ горѣ.

— Вотъ дыра,—сказала она.—Если
не вѣришь, такъ освидѣтельствуй сама!

Вторая сорока не преминула осви-
дѣтельствовать

— Сколько желудей ты опустила
туда?—полюбопытствовала она.

— Никакъ не меньше двухъ со-
тень.

Новоприбывшая сорока заглянула
въ дыру, но не увидѣвъ въ ней ни-
чего, издала призывный крикъ. При-
летѣли еще три новыя сороки. Тутъ
онѣ всѣ вмѣстѣ стали знакомиться
съ загадочной дырою и потребовали,
чтобы исторія была имъ разказана
сначала. Послѣ долгаго и всесто-
ронняго обсуждения всѣ онѣ такъ же
разошлись во мнѣнιάхъ, какъ и люди,
сбравшіеся обсуждать какойнибудь
важный вопросъ. Позвали еще со-
рокъ. Ихъ слетѣлось столько, что
онѣ затмили собою небо. Набралось
по меньшей мѣрѣ тысячъ пять. Вамъ
едва ли приходилось когда либо
слышать столько криковъ, карканья
и споровъ. Само собою разумѣется,
что каждая изъ сорокъ осмотрѣла
отверстіе и каждая вынесла изъ

осмотра свое собственное мнѣніе, со-
вершенно расходившееся съ мнѣніемъ
предшественницъ. Получилась сплош-
ная ерунда. Домъ былъ осмотрѣнъ со
всѣхъ сторонъ и во всѣхъ подроб-
ностяхъ; а такъ какъ дверь была
полуоткрыта, то одна изъ сорокъ
впорхнула въ нее—и тайна сразу
объяснилась: всѣ жолуды оказались
въ домѣ на полу. Сдѣлавъ это от-
крытіе, сорока захлопала крыльями
и закричала во весь голосъ:

— Сюда! Скорѣе всѣ сюда! По-
любуйтесь. Неужели эта дура задалась
цѣлью наполнить желудями весь домъ?

Сороки слетѣлись такою гурьбой,
что образовали сплошное голубое
облако. Послѣ сдѣланнаго открытія
всѣ онѣ стали смѣяться надъ глупо-
стью своей товарки.

Послѣ этого приключенія сороки
просидѣли на домѣ еще два часа и
тараторили.

Съ тѣхъ поръ я въ теченіе трехъ
лѣтъ подъ-рядъ наблюдалъ каждую
весну прилетѣть сорокъ со всѣхъ кон-
цовъ Америки. Всѣ онѣ осматривали
дыру, удивлялись и разказывали о
приключеніи. Къ нимъ присоединялись
птицы и другихъ породъ и всѣ онѣ
также находили исторію смѣшною.
Не соглашалась съ ними одна только
голубая сорока, прилетающая изъ
Европы. Она находила, что тутъ нѣтъ
ровно ничего смѣшнаго и новаго. По
ея мнѣнію, въ этой исторіи съ дырой
и съ жолудями голубыя сороки просто
захотѣли подражать тому двуногому
животному, которое называется чело-

вѣкомъ и которое всегда поступаетъ такъ же, какъ взяли съ него при- мѣръ и сороки. Если человѣкъ дѣлаетъ какую-нибудь глупость, говорила она, то всѣ другіе люди начинаютъ ему подражать и говорятъ о немъ на всѣхъ перекресткахъ. Когда-же выяснится въ послѣдствіи, что онъ дѣйствительно поступалъ глупо, то всѣ, подражавшіе ему, начинаютъ поднимать на смѣхъ не себя, а его.

— Значитъ, многія сороки похожи на людей? спросили у нея сороки.

— Нѣтъ, отвѣтила сорока изъ Европы, — многіе люди походятъ на сорокъ.

— А на кошекъ? Умѣютъ-ли они такъ же ссориться, и браниться, какъ и кошки?

Сорока изъ Европы подумала и сказала:—

— Человѣкъ иногда бываетъ похожъ сразу на всѣхъ животныхъ въ мірѣ и вовсе не похожъ на самого себя.

А. Един—нѣ.

УТЯТА и ПѢТУХЪ.

(Басня).

Однажды шли утята и рыдали.

— О чемъ вы плачете?—спросилъ ихъ пѣтушокъ.

Ему утята отвѣчали:

— «Да какъ-же намъ не плакать, коль хорекъ

Заѣлъ мамашу

Нашу?»

Утята пуще зарыдали

И въ путь опять заковыляли,

Но пѣтухъ,

Всѣхъ выбравивъ ихъ вслухъ,

Такою имъ запѣлъ рацею:

• — «Объ васъ я, дѣтки, сожалѣю,

• Но лишь скажу вамъ:—Дураки!

Вѣдь это пустяки!

Не все-ль равно, жива-ли ваша matka,

Иль ей хорекъ полакомился сладко?

Вѣдь кормитъ васъ до-сыта человѣкъ?

Къ тому-же и лягушки здѣсь не плохи...

Зачѣмъ-же эти вздохи,
 Коль хватить ихъ на цѣлый вѣкъ?»
 И долго вслухъ
 Утятюкъ поучаль пѣтухъ,
 О томъ, что если кто богатъ и ѣсть прилично,
 То можетъ и безъ матери прожить отлично.
 Умолкъ онъ наконецъ,
 А бѣдныя утята шли ужъ къ рѣчкѣ...
 — «Несчастный!» тутъ вздохнулъ скворецъ,
 Въ скворешникѣ сидѣвшій на крылечкѣ,
 И птичьей слезой его сверкнули глазки,—
 «Ужель мнѣ нужно объяснять,
 Что для дѣтей нужны не кормъ, а ласки,
 И что главнѣй всего для нихъ— есть мать?»

Кузнечикъ.

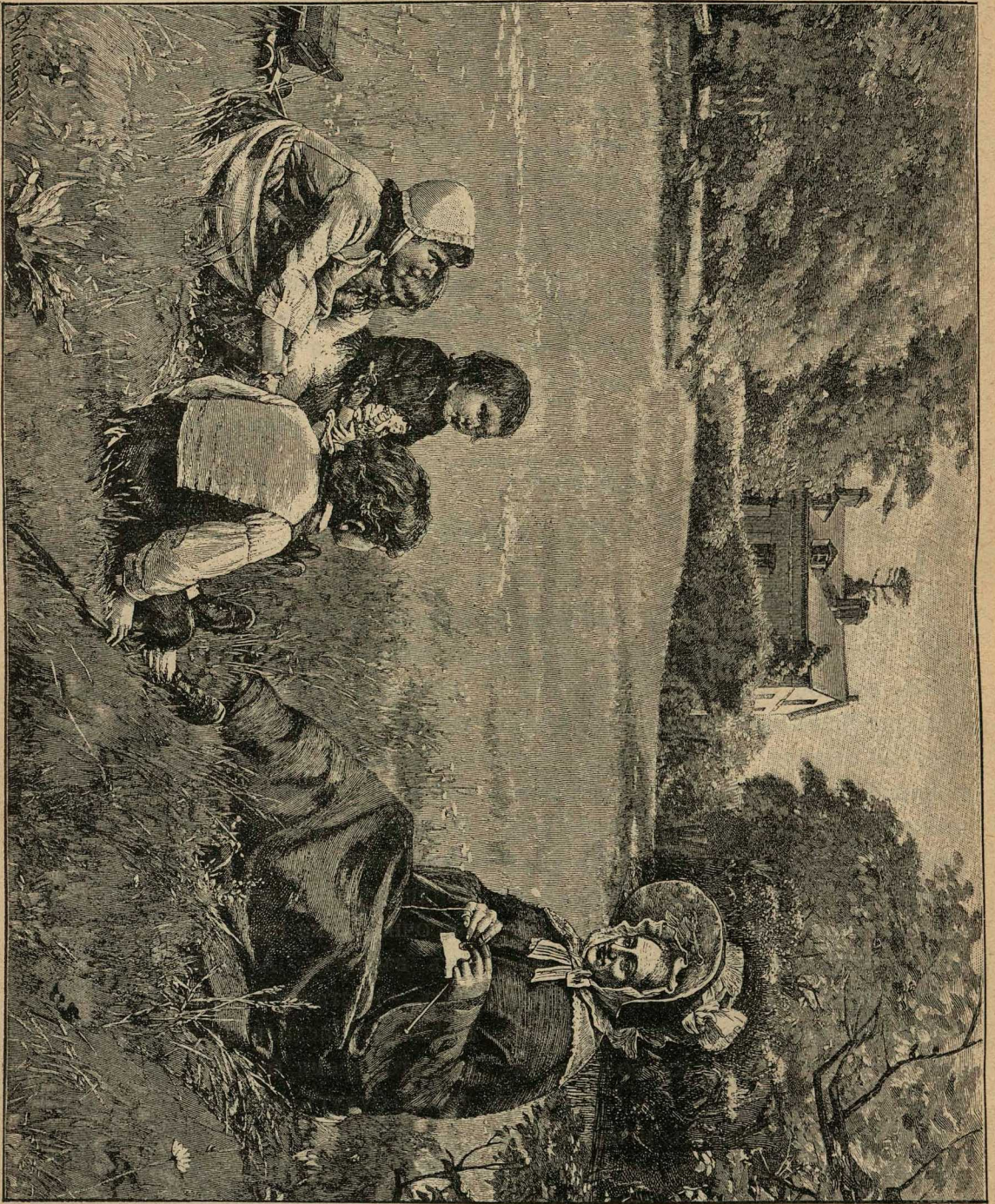
ВЪ ДОРОГѢ.

Страшный дождь уже четвертый день лилъ, какъ изъ ведра, и цѣлые ручьи мутной воды текли по бокамъ полотна желѣзной дороги. Онъ точно плеткой стегалъ по окнамъ вагоновъ и капли его, какъ слезы, ползли по стекламъ. Иногда онъ смѣнялся мокрымъ снѣгомъ, который тотчасъ же и таялъ. Часто нельзя было разобратъ, шипитъ-ли это локомотивъ или злобствуетъ вѣтеръ. Казалось, что всему этому не будетъ и конца и что борьба молодой весны съ отжившею зимою не кончится ужъ больше никогда.

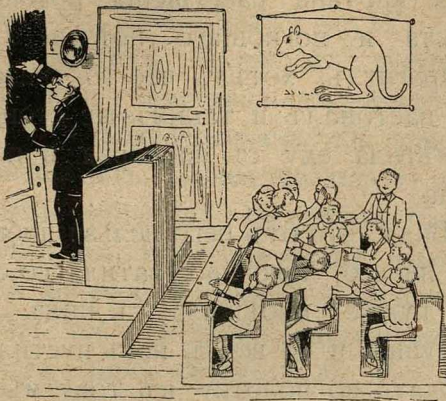
Въ полуосвѣщенныхъ и наполовину пустыхъ вагонахъ почти всѣ спятъ. Если взглянуть пристальнѣе въ темныя фигуры, кое-какъ прикор-

нувшія на скамьяхъ, то можно различить двухъ-трехъ студентовъ, ѣдущихъ домой, гимназиста съ дамой и нѣсколькихъ человѣкъ въ форменныхъ фуражкахъ, сбившихся имъ на глаза. Все это люди занятые, еле выбравшіе время на поѣздку домой и считающіе часы и минуты, когда увидятся съ семьей. А тутъ, какъ нарочно, сама природа задерживаетъ ихъ въ пути. А между тѣмъ еще часъ,—настанетъ полночь, а съ нею вмѣстѣ и Пасхальная заутреня. Одни въ это время будутъ въ церкви, а другіе будутъ находиться въ пути.

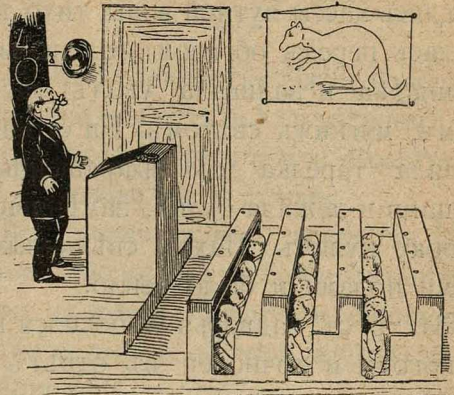
Въ маленькой избушкѣ желѣзно-дорожнаго сторожа, стоящей какъ разъ у самага моста черезъ неглу-



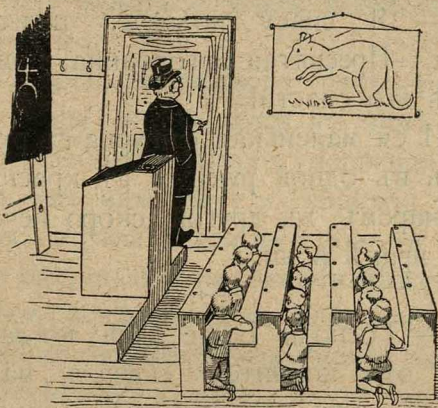
Бабушкина сказка.



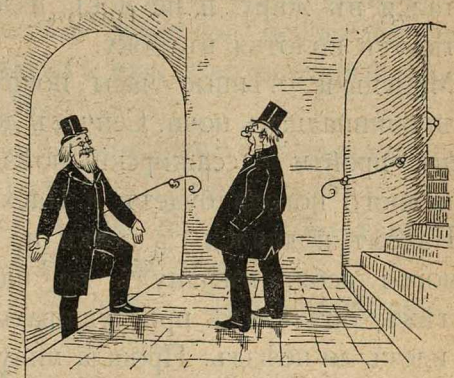
1. — Теперь начертимъ кругъ...
(ученики прячутся).



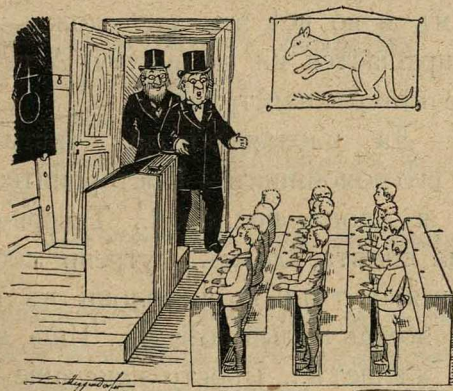
2. — Куда-же вы пропали?



3. — Пойду за инспекторомъ...



4. — Господинъ инспекторъ, у меня куда-то
исчезли ученики!



5. — Откуда-же это они появились опять?

ИЗРЕЧЕНІЯ:

1) Кто, обладая богатствомъ,
не удѣляетъ отъ него другимъ и
не тратитъ его на себя, тотъ не
владѣетъ ничѣмъ, подобно тому
соломенному чучелу, которое
охраняетъ на полѣ чужое зерно.
(Индійское изреченіе).

2) Нашъ собственный гнѣвъ
причиняетъ намъ вреда болѣе,
чѣмъ то, что заставило насъ
гнѣваться.

(Лебоккъ).

бокій оврагъ, по которому теперь неслись массы мутной воды, тихо теплилась передъ образомъ зелененькая лампадка и заливала уголь ласковымъ, мягкимъ свѣтомъ. На столикѣ стояла тарелка съ выкрашенными яйцами и лежала булка, замѣнявшая собою куличъ. Пахло свѣже-вымытыми полами и было тепло.

За то съ надворья доносился вой непогоды и точно ей въ отвѣтъ съ печки иногда тянулись глубокіе вздохи заболѣвшаго сторожа Пахожа. Онъ метался въ жару и не могъ вздохнуть отъ колотья въ боку.

Маленькіе стѣнные часы показывали одиннадцать ночи. Сейчасъ долженъ пройти пассажирскій поѣздъ, а немного погодя будетъ и Пасха.

Пахомъ поднялся съ печки и, перемогая себя, взглянулъ на часы. Затѣмъ онъ сталъ прислушиваться, не идетъ-ли поѣздъ. Прошла минута, другая и, не будучи въ состояніи пересилить слабости, Пахомъ снова упалъ на тулупъ и забылся.

Холодная струя воздуха ворвалась въ избушку и чуть не потушила лампадку. Вся мокрая, съ краснымъ фонаремъ въ рукахъ, вошла дѣвочка лѣтъ десяти, дочь больного сторожа Пахома, и въ волненіи, торопливо стала расталкивать своего забывшагося отца.

— Папа!.. Папа!.. говорила она.— Съ мостомъ не ладно!

Пахомъ приподнялся, дико поглядѣлъ на дочь и, что-то пробормотавъ, снова впалъ въ забытье. Ему

представилась страшная, но возможная картина разрушенія потокомъ моста и погибшаго поѣзда. Онъ вздрогнулъ, хотѣлъ что-то сказать, но застоналъ и такимъ-же стономъ отвѣтила ему съ надворья и непогода.

Видя, что отъ него нельзя добиться ничего, дѣвочка схватила со стѣны ружье, выбѣжала съ нимъ изъ избушки и со всѣхъ ногъ пустилась бѣжать по полотну къ тому мѣсту, гдѣ бушевалъ вздувшійся отъ дождей потокъ и гдѣ повисъ надъ нимъ ненадежный размытый мостъ.

— Я спасу поѣздъ... шептала она.—Пресвятая Богородица, помоги мнѣ его спасти!

И ея маленькая фигурка съ ружьемъ въ одной рукѣ и съ краснымъ фонаремъ въ другой скоро исчезла во мракѣ ночи.

— Господи Боже мой, когда-же все это кончится? сказалъ машинистъ, стоя на площадкѣ локомотива и грѣя окоченѣвшія руки у пылавшей печи.—Цѣлые четыре часа ѣдемъ и во всѣ эти часы дождь не прекращается ни на минуту! А тутъ еще вѣтеръ навстрѣчу...

— Да, плохая погода, отвѣтилъ ему его помощникъ.—Посторонитесь-ка, я дровъ подложу!.. Теперь-бы дома сидѣть, да къ заутрени собираться, а тутъ вотъ волоки въ такой дождь цѣлый поѣздъ... Ишь, какой хлещетъ... Просто наказаніе да и только. Насквозь промокъ...

— Какъ-бы не опоздать! снова заговорилъ машинистъ, глядя на часы.—Ужъ двѣнадцатый часъ!..

— Значить, скоро къ заутренѣ зазвонятъ... замечталъ помощникъ.— У меня дочка-гимназистка теперь, должно быть, одѣвается, передъ зеркаломъ вертится... Не хотѣла, чтобы я уѣзжалъ. Шустрая такая, переходитъ во второй классъ! А въ церкви теперь тепло, хорошо, народу много, горитъ много свѣчей... Не то, что здѣсь...

— Да... протянулъ машинистъ

И оба присѣли на мокрыя дрова и стали думать о теплѣ, о Пасхѣ, о родныхъ...

А дождь попрежнему лилъ, какъ изъ ведра, и забирался къ нимъ за шею. Злобный вѣтеръ попрежнему дулъ имъ навстрѣчу и одинокія деревья, встрѣчавшіяся имъ по пути гудѣли своими голыми вѣтвями. Мокрая полѣнья, брошенная въ печь, шипѣли и горѣли голубоватымъ огнемъ. Было непривѣтливо и сыро.

— Стой! Стой! вдругъ послышался гдѣ-то сбоку голосъ.— Остановись!

И вслѣдъ затѣмъ раздалась два выстрѣла изъ ружья.

Оба вскочили.

— Слышалъ? воскликнулъ машинистъ.

— Что это? отвѣтилъ ему помощникъ.

Машинистъ схватился за убавку хода и точно изъ-подъ-земли передъ поѣздомъ выросъ вдругъ красный

фонарь, выставленный дѣвочкой у моста...

— Что случилось? Что случилось? послышались изъ всѣхъ вагоновъ голоса, когда поѣздъ почти моментально остановился у фонаря.

Всѣ перепугались, вскочили, нѣсколько человекъ пассажировъ спрыгнули на мокрую насыпь и, ежась отъ вѣтра и дождя, кучкой побѣжали къ локомотиву

— Въ чемъ дѣло? спросили они разомъ.—Отчего остановились?

— Съ мостомъ неблагополучно! отвѣтилъ имъ взволнованный машинистъ.

— Съ мостомъ? слышались снова голоса.—Что съ мостомъ?

— Неблагополучно! Бхаться нельзя!

— Какъ нельзя?

— Да такъ!.. Устой размыло!

— Гдѣ? гдѣ?

И та-же кучка людей, бросившись отъ локомотива впередъ, скоро исчезла въ темнотѣ. Подъ сильнымъ, рѣзкимъ дождемъ они почти ощупью отыскивали себѣ дорогу, стараясь не сорваться съ высокой насыпи желѣзнодорожнаго пути и наконецъ очутилась на мосту. Дикій ревъ разметавшагося потока доносился снизу и черная мгла, казалось, раскрывала свою пасть у самыхъ перилъ и только ожидала болѣе сильнаго порыва вѣтра, чтобы поглотить кого-нибудь изъ людей...

На другой сторонѣ оврага чуть свѣтилось зеленоватое окно сторож-

ки Пахома, застилаемое частымъ дождемъ, а на этой—точно два глаза какого-нибудь чудовища, ярко горѣли фонари на локомотивѣ и яркими полосками отражались на мокрыхъ рельсахъ желѣзнодорожнаго полотна.

А все кругомъ было темно и безлюдно.

Въ этотъ моментъ вмѣстѣ съ налетѣвшимъ вѣтромъ изъ какого-то дальняго села донесся до пассажировъ и звонъ къ пасхальной заутренѣ. Стоя на мосту и все еще вглядываясь въ темноту, они сняли шапки и перекрестились.

— Пасха!—воскликнулъ кто-то.— Христось воскресъ!..

— Воистину воскресъ!..—отвѣтило ему нѣсколько голосовъ.

И всѣ сняли шапки и стали цѣловаться. Дуль вѣтеръ, лилъ дождь, издалека доносился робкій трезвонъ сельскихъ колоколовъ и у каждаго на душѣ вдругъ сдѣлалось пріятно и тепло. Захотѣлось поскорѣе домой, гдѣ теперь было сухо и гдѣ ласково горѣли огни, потянуло въ церковь и послѣ нея къ себѣ въ семью, гдѣ домовито будетъ мурлыкать самоваръ, такъ уютно возвышающійся между пасокъ и куличей.

Но кто-же это выстрѣлилъ? Кто закричалъ поѣзду «стой»?

Мокрая, худая дѣвочка съ выбившимися изъ-подъ платка волосами стояла у локомотива и что-то горячо объясняла машинисту. Это была дочь

сторожа. Губы ея дрожали, колѣнки тряслись отъ усталости и отъ волненія и слабымъ голосомъ она говорила:

— Мой отецъ лежитъ нездоровый! Я одна... Мать на прошлой недѣлѣ заболѣла горячкой и ее отвезли въ больницу... А третьяго дня заболѣлъ отецъ... Я накрasila яицъ, а куличъ испечь не смогла... Я оглядѣла мостъ, боялась, чтобы не провалился поѣздъ и вотъ, какъ сумѣла, я выставила фонарь и выстрѣлила въ воздухъ. Сроду не стрѣляла!..

Ее окружили пассажиры, стали ее спрашивать, поздравлять, стали давать ей деньги... Она брала ихъ, благодарила, но глаза ея невольно смотрѣли туда, гдѣ чуть-чуть виднѣлось окошечко сторожки ея отца.

— У меня боленъ отецъ... продолжала она.—Пахомомъ звать... А я Пелагея, его дочь!

И она ужъ позабыла, что спасла жизнь многимъ, удивлялась, что ее благодарили и не понимала за что, и только мысль объ отцѣ безпокоила ее и занимала все ея существо.

— Господа,—послышался чей-то голосъ.—Нѣтъ-ли среди васъ врача?

Но врача не нашлось, и только одинъ студентъ-медикъ старшаго курса вызвался осмотрѣть больного и широко зашагалъ вмѣстѣ съ дѣвочкой къ ея отцу.

Попрежнему дуль вѣтеръ и гудѣлъ въ голыхъ вѣтвяхъ деревьевъ. Шумѣлъ внизу потокъ и яркими

глазами горѣли два фонаря локомотива. Съ громадными предосторожностями, чуть двигаясь вперед, машинистъ переводилъ поѣздъ черезъ мостъ. Мостъ скрипѣлъ и, казалось, подгибался подъ тяжестью локомотива. Темной толпою пассажиры пѣшкомъ слѣдовали за нимъ.

Но вотъ ужъ близко. Еще два-три взмаха колесомъ и локомотивъ будетъ на томъ берегу оврага. Онъ дѣлаетъ эти взмахи и достигаетъ цѣли. Послѣдній вагонъ еще на мосту, но черезъ нѣсколько секундъ будетъ на берегу и онъ—и вотъ ужъ весь поѣздъ по ту сторону оврага.

— Слава Богу!—вырвались восклицанія у пассажировъ.—Мы переѣхали черезъ мостъ! Теперь мы можемъ продолжать нашъ путь спокойно!..

И всѣ стали влѣзать въ вагоны и устраиваться на своихъ мѣстахъ.

А когда раздался звонкій свистокъ оберъ-кондуктора и вслѣдъ затѣмъ загудѣлъ локомотивъ и, развивъ пары, поѣздъ двинулся въ дальнѣйшій путь, то никто не обратилъ вниманія ни на мелькнувшую избушку сторожа Пахома, ни на то, что въ это время въ ней больного него возилъ студентъ и съ большими глазами стояла дѣвочка Палаша.

— У твоего отца тифъ...—сказалъ наконецъ студентъ.—Но это ничего, это пройдетъ... Надо только завтра сообщить по начальству, чтобы его взяли въ больницу... А здѣсь лежать ему нельзя...

И, услышавъ, какъ мимо избушки промчался поѣздъ, онъ бросился было къ окну, но, видя, какъ замелькали передъ нимъ окна вагоновъ, онъ понялъ, что поѣзда ему не догнать, и покорно опустился на лавку.

— Позабыли...—сказалъ онъ.— Позабыли меня, дѣвочка, здѣсь... Далеко отсюда до полустанка?

Въ это время больной забредилъ и вѣтеръ загремѣлъ на крышѣ желѣзнымъ листомъ. Студентъ поднялся съ мѣста, посмотрѣлъ на дѣвочку, которая робко стояла у стола, и о чемъ-то подумалъ.

— Если я сейчасъ уйду пѣшкомъ, сказалъ онъ,—то съ кѣмъ ты здѣсь останешься?

— Я останусь одна..—отвѣтила ему дѣвочка.—Но я уже большая, вы не бойтесь... Я справлюсь одна.

Вмѣсто отвѣта студентъ снялъ съ себя пальто и повѣсилъ его на гвоздь.

— Ставь-ка, дѣвочка, самоваръ,—сказалъ онъ.—и давай пить чай. Сейчасъ пасхальная ночь, всѣ люди братья и должны служить другъ другу. Я останусь здѣсь съ вами и постараюсь вамъ помочь!

Она посмотрѣла на него удивленными, большими глазами и не вѣрила своимъ ушамъ.

— Ставь, ставь самоваръ!—продолжалъ студентъ.—А пока что—Христось воскресъ!

— Воистину воскресъ!—отвѣтила дѣвочка.

И три раза они поцѣловались.

А потомъ, отойдя къ печкѣ, дѣвочка стала ставить самоваръ. Когда онъ зашумѣлъ, то она подошла къ своему гостю и робко ему сказала:

— Только, господинъ докторъ, у насъ нечѣмъ будетъ вамъ заплатить...

Онъ улыбнулся, провелъ рукой по волосамъ и отвѣтилъ:

— Заплатить? Зачѣмъ? Вѣдь тебѣ же никто не заплатилъ за то, что ты спасла цѣлый поѣздъ? Всѣ люди братья! Считаю меня братомъ, а я

буду считать тебя сестрой, вотъ и все!

И они сѣли за самоваръ и стали пить чай. А на дворѣ попрежнему завывалъ вѣтеръ и вмѣстѣ съ нимъ изъ далекаго села доносились звуки колоколовъ, говорившихъ о томъ, что Христосъ воскресъ и что теперь уже не должно быть мѣста на землѣ ни ненависти, ни злобѣ, а должна быть только искренняя, братская любовь.

М. њ—скій.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Отъ каждой фразы взять по одному слову и составить изъ нихъ двѣ строчки извѣстнаго стихотворенія А. В. Кольцова.

1) Поѣздъ засыпало такъ сильно снѣгомъ, что его откапывали цѣлый день.

2) А какъ собьешься ты съ дороги, да и замерзнешь гдѣ-нибудь?

3) Чѣмъ дольше спишь, тѣмъ больше спать охота.

4) Изъ ближней деревни въ воскресенье шелъ мужичекъ къ обѣднѣ.

5) Вѣдь когда бываетъ лѣто, намъ не каждый день гулять.

6) Въ этотъ годъ весна была ранняя.

7) На дворѣ по травѣ хоть шаромъ покати.

(Предложилъ М. Кузнецовъ изъ Иркутска).

II.

Какія слова заключаются въ слѣдующихъ фразахъ:

1) Вѣдь медъ изготовляютъ сами пчелы!

2) Птицы пѣли; садъ былъ погруженъ въ сладкую дремоту.

3) Изъ болота вылѣзая, цапля неуклюже шлепала своими длинными ногами.

4) Сахаръ бѣлъ, какъ снѣгъ.

5) Какое терпѣливое животное волъ! Какъ покорно служитъ онъ человѣку!

6) Гостямъ не хватило икры, салату и рыбы.

(Предложила Шета Мякишева).

ШАРАДЫ.

I.

Первое то, что вбиваютъ въ землю, второе — торжественное стихотвореніе, а цѣлое то, что валяется въ дровяномъ сараѣ или лежитъ на столѣ для развлечения гостей.

(Предложили В. и Н. Швачко).

II.

Первое — часть тѣла, второе — восклищаніе, третье — охотничья принадлежность, а все вмѣстѣ — толстокожее животное. Какое это животное?

(Предложилъ Миша).

Рѣшеніе головоломокъ и проч. изъ № 11 «Золотою Дѣтства».

Рѣшеніе головоломокъ: 1) Буква М., 2) Муравьи, трава, вакса. Задуманное слово — Митава. 3) Епифань, Берлинъ, Индія, Азія, Марка. Задуманное слово — Пенза. 4) Лысый съ бѣлой бородой дѣдушка сидитъ; чашка съ хлѣбомъ и водою передъ нимъ стоитъ. 5) Уфа 6) Гитара.

Рѣшеніе шарады: Куку + Руза = Кукуруза.

Рѣшеніе шуточнаго вопроса: Котенокъ.

Върныя рѣшенія прислали: Шура и Вѣра Габриловичъ изъ Халилы, Роза Рейсеръ изъ Шполы, Викторъ и Нина Швачко, Коля Постниковъ, Коля Плитасъ изъ Ростова-на-Дону, Володя Поповичъ изъ Горокъ Могил. губ., Миля Вайнштейнъ изъ Алешекъ, Вѣра Кругенъ изъ Кіева, Николай Астафьевъ, Яша Россоскій изъ Ли-

повца, Шета Мякишева изъ Севастополя, В. и Л. Милоченко изъ Сорочинецъ, Надя Рембелинская, Котя и Катя Николаевы изъ Харькова, Николай и Константинъ Романовскіе, Нина Трояновичъ-Піотровская въ Спб., Владиміръ и Евгенийъ Конрадъ въ Спб.

Върныя рѣшенія задачъ и головоломокъ, помѣщенныхъ въ предыдущихъ номерахъ прислали: Михаилъ Кузнецовъ изъ Иркутска, В. и Е. Конрадъ, Сережа Бровцевъ, Соня Кипчакская изъ Кады-Эскеръ, Jeanne Meunier, Вѣра Шервашидзе, Оля Асѣва, Донатъ Чернявскій изъ Хабаровска; Поля, Вѣра и Муся Кузьмины.

ПОЧТА «ЗОЛОТОГО ДѢТСТВА».

I.

Милые товарищи по журналу.

Хочу вамъ рассказать, какъ я съ сестрицей своей Ксеніей встрѣтила праздники Св Пасхи. Уборка и суета началась за недѣлю: мыли окна, печки, двери; стирали пыль съ карнизовъ и насъ дѣвочекъ совсѣмъ забыли. И мы стали убирать и чистить фигурки и книги на этажеркахъ. Кое-что порвали, кое-что разбили, но за общей суетой мама ничего не замѣтила. Подошла пятница страстной недѣли. Ходили мы съ папой въ магазинъ, купили ветчину, сардины, шпроты; прислугамъ колбасу малороссійскую. Взяли въ булочной куличи; сырную же пасху мама дома дѣлала. Мы покрасили яйца въ синий, желтый и красный цвѣтъ. Очень устали и остальное оставили на субботу. Ходили въ церковь реального училища, потомъ вернувшись приняли ванну, помогали затѣмъ столъ убирать, но все-таки насъ къ зѣтрени не взяли.

Ната Бѣлиловская.

II.

Милые товарищи по журналу.

Въ первый день Св. Пасхи мы съ сестрицей Натой встали очень рано. Подняли всѣхъ куколъ, которыя лежали въ своихъ постелькахъ, и тихонько пробрались въ столовую. Все тамъ смотрѣло очень вкусно. Мы пальцами попробовали пасху сырную, отломали по куску кулича, достали сардинку и поздравили большихъ куколъ съ праздникомъ, отвѣдали, что могли, и возвратились въ свои кровати. Тѣмъ временемъ мама съ папой встали и были очень удивлены, что мы уже проснулись.

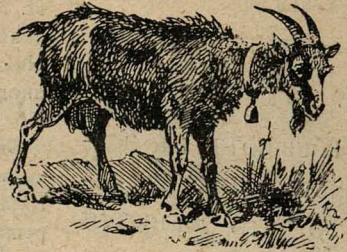
Ксенія Бѣлиловская.



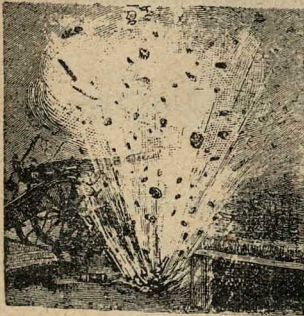
ОБ

Б ПЪ

ЛА



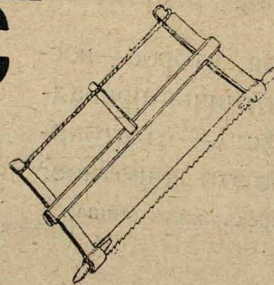
СО



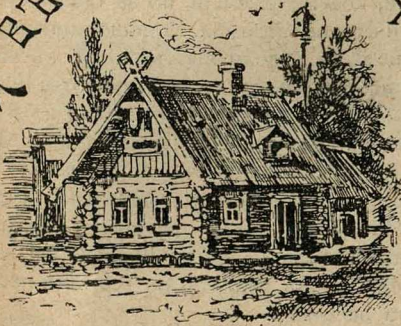
АПРѢЛЬ.

ТУ
С

Т Е М

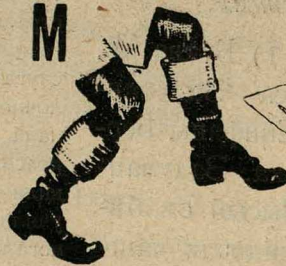


И ВЪ

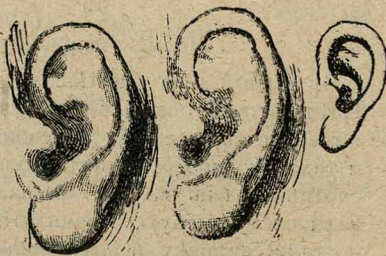


ХЪ

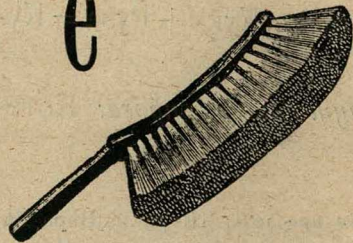
М



Ъ В В



Е



Л И

ГОДЪ ИЗДАНИЯ ВТОРОЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1909 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ)

подъ Редакціей М. П. ЧЕХОВА

При каждомъ номерѣ приложенія (выкройки, игры, картонажи для склеиванія, литературныя и другія).

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ 3 р. 80 к.,
на полгода — 1 руб. 90 коп.

Подписка принимается: въ **Канторѣ журнала „Золотое Дѣтство“**,
С.-Петербургъ, Матвѣевская ул., 3, и въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго
Времени» (Невскій, 40), Т-ва М. О. Вольфъ (Гостиный Дворъ и Невскій)
и Н. П. Карбасникова (Гостиный Дворъ).

➡ Подписной годъ съ 1-го Ноября. ➡

За перемѣну адреса — 28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

